

Шёл последний школьный год, пора было думать о будущем. Чтение книжек Обручева и Ефремова в девятом классе и моя любовь к природе, лесу, рыбалке, а также романтические порывы сложили во мне убеждение, что самая интересная профессия на свете - геология. Учиться надо будет в Ленинграде (в любимом городе, не в Москве же), а значит - либо в Горном институте, либо в Университете. Никаких сомнений на этот счёт в десятом классе у меня уже не было, хотя Валерка Долгополов всячески агитировал меня за физику. Сам он собирался поступать в московский "физтех" (МФТИ). По физике мы с ним были первыми учениками в классе, с удовольствием занимались дополнительными задачками, чем радовали нашего учителя физики Леонида Павловича Волкова. Но решение стать геологом от этого не колебалось, в крайнем случае, можно быть геофизиком - такая специальность есть и в Горном, и на геологическом факультете ЛГУ.

В конце 50-х - начале 60-х годов по инициативе чуть ли не самого Хрущева начался производственный бум в школьном и студенческом обучении. Благодаря этому я и не стал геологом, а стал геофизиком, но и то - физиком не собственно "гео" - Земли, а специалистом по физике околоземного космического пространства. Но об этом позже. В старшие же школьные годы наша связь с производством состояла в том, что мы сами установили железобетонную ограду вокруг школы, построили школьный гараж из кирпича на три бокса, а в девятом классе еженедельно ездили на завод "Автозапчасть", где я сначала освоил профессию станочника, а затем токаря-инструментальщика, получив квалификацию токаря 4-го разряда.

На коксогазовом заводе (Света Минак, Мишка Савловский, Славка Литвинов, Валерка Долгополов, Сашка Чесноков и Галя Лакиза), весна 1960 г.

К учёбе в десятом классе я относился весьма сознательно. Тщательно всё конспектировал и старался красиво оформлять конспекты. В этом я стремился подражать Саньке Алейникову, школьные тетради которого были заполнены каллиграфическим почерком с подчёркиваниями и рамочками. Мой же почерк был быстр и, пожалуй, достаточно разборчив, но явно не содержал эстетических достоинств. В своём стремлении стать волевым человеком (я тогда находился под огромнейшим впечатлением романа Джека Лондона "Мартин Иден"), я не пожалел усилий на выработку почерка не хуже Санькиного. Эволюцию моего почерка можно проследить по дневнику. Если бы я знал, во что мне это потом обойдётся!..

Последнюю учебную четверть в десятом классе я провёл без родителей: папа служил в Польше, в Свиноустье, туда уехали и мама с Милочкой и Любкой, а я несколько месяцев жил в нашей квартире под присмотром, весьма, впрочем, символическим, Лены Трауровой, телефонистки лет тридцати пяти (*теперь вспоминаю, что фамилию ей дали в детском доме в честь траура по Ленину*), которая поселилась у нас. К моему выпуску из школы мама, конечно, приехала - к началу экзаменов.

Из дневника

9 ноября 1959 г.

В середине октября встретил девчонку на улице и почему-то обратил на неё внимание, понравилась, симпатичная, потом забыл, 6-го ноября она опять промелькнула передо мной, 7-го увидел её на демонстрации, долго ходили за ней со Славкой (Литвиновым, из нашего класса), зачем? Правда, узнали дом, где живёт, и всё. Сегодня видели издалека, потом потеряли, слонялись со Славкой по улицам, всё её искали, около её дома вертелись.

Знаю, где живёт - в каком доме, и в какой школе учиться. Больше ничего: ни как зовут, в каком классе, ничего больше. Припишу ли я к этому ещё что-нибудь? Я могу выбросить её из головы, забыть, ведь мне не на что надеяться, но стоит ли это делать? Ну, что ж, поживём - увидим. Наверное, всё это пройдёт.

Приписка (через две недели): Я с ней познакомился, а что толку? Наверное, ничего хорошего. Подумаешь, симпатичное личико.

11 ноября.

Зовут Светой, учится в седьмом классе. Кажется, капризная и избалованная, а, может, другое, только что? В общем, пока что-то не нравится в ней, хотя очень симпатичная. Да я её всё-таки и не знаю как следует... Буду ли я геологом? Поступлю ли?

А дело было так. Седьмого ноября утром мы, как обычно в праздники, шли всем классом в колонне демонстрантов, которая медленно, с остановками двигалась к площади Победы. День был пасмурный, сырой, идти, а особенно стоять в колонне было скучно, и мы со Славкой Литвиновым слонялись взад-вперёд вдоль колонны, разглядывая демонстрирующих. На Почтовой наше внимание привлекли две девчонки, так же, как и мы, выскочившие из рядов колонны и прогуливавшиеся вдоль неё. Девчонки были не из нашей школы, а из двадцатой, шедшей где-то сзади нас. Одна из них - в зелёном пальто с капюшончиком, уже встречалась мне как-то раньше и прямо таки поразила меня своей очаровательной мордашкой с чёлочкой.

Развлечение было найдено - мы со Славкой стали целенаправленно двигаться таким образом, чтобы не отстать от класса и в то же время не потерять из виду эту парочку. Девчонки были явно младше нас, мы с такими обычно не водились, но тут нас потянуло к ним как магнитом. Похоже было, что они заметили нашу слежку и стали прятаться, игра становилась всё интереснее, мы их теряли, снова находили, но, наконец, на площади, где сливается несколько колонн, мы потеряли их окончательно.

Домой мы, как и все, поёрлись пешком, транспорт ещё не ходил, да и торопиться нам было некуда. Мы шли по Советскому проспекту. Уже в самом конце почти его нас догнал трамвай "пятёрка", и мы вскочили во второй вагон, чтобы проехать пару оставшихся до кольца (на Мастеровой) остановок. Едва мы сошли на кольцо, Славка пихнул меня в бок: - Глянь! - из первого вагона выскочили "те самые", увидели нас и чуть ли не бегом бросились в боковую улочку, выходящую на Мастеровую, которую я раньше и не замечал. Мы, конечно, - за ними. Так было установлено, где эти девчонки (или одна из них) живут.

Название улицы оказалось - Светлая. От других она отличалась отсутствием фонарей. Собственно улицы как таковой не было, булыжная дорога вела между глухим забором и небольшим парком в тупик, где три двухэтажных немецких дома по два-три подъезда в каждом, образовывали четырёхугольник с внутренним двором. Окна одного из них выходили в парк, который представлял собой скорее просто бугор с большими, старыми деревьями. В этом доме, на первом этаже (мы установили это по высунувшимся из-за занавесок любопытным физиономиям наших беглянок) и жила одна из подружек - та, симпатичная, которую мы сразу же прозвали - Капюшончик.

Капюшончика звали Света, фамилия её была Косинова, училась она в шестом (а не в седьмом, как почему-то записано у меня в дневнике) классе 20-й школы, что в самом конце Красной улицы. Родилась она 26 мая 1946 года, значит, в тот день - 7 ноября 1959 года ей ещё не было тринадцати лет, а мне через две недели исполнялось шестнадцать. Но все эти данные удалось установить гораздо позже, уже зимой, и нам со Славкой пришлось убить немало вечеров, чтобы подкараулить подружек и попытаться с ними познакомиться. Знакомство это состоялась примерно так:

- Девочки, а девочки! Ну что вы так бежите? Мы вам ничего плохого не сделаем.

Молчание, девочки, рядом с которыми мы пытаемся пристроиться, ускоряют шаги.

- Девочки, а девочки! Ну как вас зовут?

Девочки по-прежнему молчат, но убегают не слишком быстро.

- Девочки, а можно мы с вами погуляем?

Девочки молчаливо соглашались, вцепившись друг в друга. Мы уже идём рядом с ними, заговариваем зубы, но без особого успеха. Правда, нас не прогоняют, это уже достижение.

Когда мы встречаем их в следующий раз, мы здороваемся, да и они вроде бы уже чувствуют себя нашими знакомыми, хотя их имена так нам пока и неизвестны. Мы-то сами, конечно, представились. Далее идёт игра в "отгадай, как зовут", и мы, наконец, отгадываем, что одна из них - Света, а другая - Люда.

... Теперь мы уже кидаем камешки в окно Капюшончику, она выходит в подъезд и сообщает, когда они с Людой смогут выйти погулять.

... А вот и мне в окно стукнул камешек - девочки зовут погулять. Мы гуляем, т.е. ходим вчетвером по улицам и болтаем о том, о сём.

Наконец, нас со Славкой отлупили на Мастеровой. Проводив Люду, а потом Капюшончика, мы вышли со Светлой на Мастеровую и увидели "шоблу" (синоним - "кодла") - группу разновозрастных пацанов и парней, которая незамедлительно направилась к нам. Мы со Славкой рванули по Мастеровой в разные стороны, "шобле" пришлось разделиться. Меня сбили с ног подножкой сзади, когда я уже был на освещенном перекрёстке Мастеровой и Красной, бить меня здесь было опасно - мог сбежаться народ, поэтому, когда я вскочил и побежал по Красной, меня не преследовали. Около дома я обнаружил, что плащ мой распорот, похоже, что разрезан, но чем и как, я так и не понял. Минут через пять к моему дому со стороны Чекистов подошёл Славка. У него под глазом расплывался фингал - всё-таки успели зацепить свинчаткой на резинке.

На следующий день в школе наш классный руководитель Нина Ивановна Жук ("Нинушка", как мы её звали), выговаривала мне:

- стыдно, умный мальчик, собираешься быть студентом, а занимаешься только тем, что бегаешь за девчонкой, в которой ничего кроме смазливости нет!

Откуда она всё знала? Словами её, особенно насчёт смазливости, я жутко оскорбился, однако смелости возразить не хватило, и я промолчал.

Света Косинова, 1960 г.

[\(продолжение следует\)](#)